

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Николай Остроумов

**ОТ ЛЕТЧИКА-
ИСТРЕБИТЕЛЯ
ДО ГЕНЕРАЛА
АВИАЦИИ**

В ГОДЫ ВОЙНЫ И В МИРНОЕ ВРЕМЯ

1936—1979

Николай Николаевич Остроумов
От летчика-истребителя
до генерала авиации.
В годы войны и в
мирное время. 1936–1979
Серия «На линии
фронта. Правда о войне»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=604595

*От летчика-истребителя до генерала авиации. В годы войны и в
мирное время. 1936–1979: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-227-01967-7*

Аннотация

Генерал-лейтенант Николай Николаевич Остроумов прошел долгий служебный путь. Во время Великой Отечественной войны он непосредственно участвовал в разработке воздушного обеспечения ключевых операций (Корсунь-Шевченковской, Белорусской, Яско-Кишиневской, Берлинской и других). После войны, уже в генеральском звании, автор занимал высшие руководящие должности в советской военной авиации. Генерал-лейтенант Н. Н. Остроумов – один из творцов могущества

советских ВВС. Он не только практик, опытный оперативный работник, но и ученый, проанализировавший и обобщивший богатейший опыт боевого применения советской авиации.

Содержание

Часть первая	5
Детство и юность	5
Военная школа морских летчиков	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Николай Николаевич
Остроумов
От летчика-истребителя
до генерала авиации.
В годы войны и в
мирное время. 1936–1979**

**Часть первая
Мой путь в военной авиации**

Детство и юность

Я, Остроумов Николай Николаевич, родился на улице Московской уездного города Брянска 29 мая по старому стилю 1914 года, а по новому календарю 11 июня. Отец мой, Николай Иванович Остроумов, снимал частную квартиру в одноэтажном деревянном домике. Мать, Анна Ивановна Говорова, была после окончания гимназии и сдачи экзамена на почтового работника удостоена звания чиновника пято-

го разряда. Отец был телеграфистом, работал, как и мать, в почтово-телеграфной конторе Брянска.

Как только они решили соединить свои судьбы в 1913 году, мать тут же была уволена. По царскому закону муж и жена не имели право работать в одном почтово-телеграфном учреждении. После Октябрьской революции мой отец Брянским советом был назначен начальником телеграфа брянской почты. Мать давала на дому уроки, как окончившая гимназию с правом преподавания русского языка.

Моя бабушка, Говорова Екатерина Михайловна, до замужества Малиновская, происходила из старейшего медицинского рода, который лечил людей еще с XVIII века. Это я узнал в день своего девяностолетия, то есть в 2004 году, когда мне в качестве подарка преподнесли выписку из архива Орловской губернии. Мои дедушки Говоров Иван Иванович и Остроумов Николай Матвеевич были до Октябрьской революции чиновниками, а с 1917 года стали служащими соответственно брянской и орловской почты. В каждой из их семей было по девять детей.

Я ничего не помню, что было в моей жизни до пяти лет. Мне запомнилось, когда в этом возрасте мне сделали операцию, из горла вырезали аденоиды, после чего я стал лучше дышать. Когда врач закончил операцию, во время которой мне было очень больно, и полез пальцем в мой рот, я его сильно прикусил, за что он стал меня ругать, а я реветь. Операцию делали без наркоза, как потом мне сказали.

После этой операции мы переехали жить в квартиру Говоровых. Бабушка Екатерина Михайловна ухаживала за мной, как и мои тети и дяди, которые в то время были учениками школы имени Третьего интернационала. Мой дедушка И. И. Говоров до 1917 года снимал частную квартиру из трех комнат в поместье князя, который жил за границей, а его доверенный сдавал квартиры и смотрел за тем, чтобы дети не воровали яблоки в усадьбе. После революции дом был реквизирован и им владел городской совет. Все это мне рассказала моя тетя Женя, которая была старше меня на три года. Она, как я запомнил, когда мне шел шестой год, отвела меня в детский сад для маленьких детей. Сад был организован в большом доме, владельцы которого сбежали за границу.

Собравшихся детей посадили за большой стол, и высокая тетя в очках – я запомнил ее потому, что она показалась очень строгой, – сказала, чтобы мы взяли по карандашу и листку бумаги и нарисовали то, что хотели бы... Я нарисовал корову. Тетя спросила каждого, почему он нарисовал то, что хотел. Я ответил, что очень люблю молоко, которое бабушка достает очень редко, поэтому я хотел бы иметь корову.

Потом тетя в очках читала нам стихи и в заключение каждому дала по небольшой шоколадке, которую я затем по пути домой разделил с моей тетей Женей.

Скоро наш детский сад перевели в деревянный дом, в который меня отводила рано утром и забирала затем моя тетя Женя, которая уже училась в начальных классах в школе.

6 ноября 1920 года в детском саду нам играли на гармошке и пели песни взрослые парни и девушки, а затем объявили, что завтра в сад приходить не нужно, сказали, чтобы мы поздравили своих родителей, дедушек и бабушек с большим праздником. На обед нам дали пироги с капустой, кроме обычных щей из кислой капусты и гречневой каши.

Запомнился мне день 24 декабря 1920 года. Накануне почему-то уложили спать раньше обычного и сказали, чтобы я на краю кровати повесил свой чулок, так как ночью может прилететь ангел и принести мне в чулок подарок, в связи с тем, что завтра праздник Рождества. Утром я проснулся и увидел в углу комнаты елку, украшенную гирляндами из разноцветных бумажных колечек, и маленького деда-мороза, так называли его родители. В чулке я нашел пакет с пряниками и конфетами. Рядом с дедом-морозом стояли деревянные быки и коньки, также из дерева. Это смастерили мои дяди Сергей, Коля и Ваня. Быки представляли собой две доски, округленные впереди и обитые железными полозьями, а доски были соединены планками.

Коньки представляли собой деревянные колодки, закругленные впереди. Снизу к ним были прибиты железные полосы. В передней и задней части были отверстия, в которые можно было вставить ремешки (веревки), которыми можно было пристегивать коньки к валенкам.

Я был очень рад подаркам дядей, расцеловал их и попросил помочь воспользоваться подарками.

Надо сказать, что до этого, находясь в детском саду, я научился кататься на ледяном сите. Сторож нашего детского сада набрал штук десять сит, которые раньше использовались для просеивания муки и круп. В эти сита он положил навоз и затем много раз обливал их водой, которая тут же замерзала. Получилось ледяное сиденье в сите, что позволило нам, ребятам, с пригорка кататься на них по ледяной дорожке как на санках.

Наступившая зима 1921 года была очень тяжелой. Люди ходили по улице хмурые, ругались, сквернословили. Детский сад перестал существовать. Его закрыли, там перестали готовить еду для детей, но в подвале дома, где размещались какие-то учреждения, открыли детскую столовую. С тарелками и с кастрюльками ребята к двум часам дня собирались к столовой в очередь. Обед состоял, как правило, из двух блюд. На первое были щи из кислой капусты, иногда с кусочками тушенки, а иногда и без нее, и с конопляным маслом. На второе – тушеная капуста, часто кислая, и маленький кусок хлеба.

Такой обед я приносил домой.

Из соседних деревень иногда крестьянки приносили крупы, картофель, молоко. Но в обмен надо было давать какую-нибудь поношенную одежду. Этим занималась моя бабушка.

Дядя Ваня мастерил сетки, которые мы с ним расставляли в заброшенном городском саду. В сетки расставляли тарелки

с остатками какой-нибудь еды и следили, чтобы в сетки зашли галки, которых в саду пока было много. Когда это происходило, дядя Ваня веревкой захлопывал сетку. Добыча использовалась для варки супа с добавкой крупы. Что касается последней, то ее умудрялся доставать мой отец. Бабушка собирала поношенные вещи, мой отец набирал мешок таких вещей и отправлялся в почтовом вагоне (ему это разрешалось по службе) до станции Синезерка, что на Орловщине. Привозил назад мешок продуктов, главным образом гречневой крупы.

Вот почему я до сегодняшнего дня очень люблю гречневую кашу, правда в те годы политую конопляным маслом, которое также с Орловщины привозил отец. Царским угощением однажды стало добытое на пригородном заводе дядей Ваней ситро. Каждому в семье досталось по полстакана этого чудесного напитка. В те поры во всех деревнях сеяли коноплю и делали масло. Из зерен конопли готовили чудесные блюда. Ее поджаривали и затем в ручной ступке толкли. Получались небольшие маслянистые шарики. Это было настоящее пирожное того времени.

Иногда на улице женщины продавали яблоки, сливы. Однажды я подошел к такой торговке и спросил о стоимости слив. Фунт слив стоил шесть миллионов рублей. Я не посмел просить у матери такие деньги. Учítывая, что теперь никто не охранял господский сад, ребята нашего двора стали собирать одичавшие сливы, а затем груши и яблоки.

31 августа 1921 года моя тетя, ученица третьего класса Евгения Ивановна, придя из школы, сказала мне, что 1 сентября в 12.00 у здания школы имени Третьего интернационала должны собраться все дети, кто родился в 1914 году. Школа находилась недалеко от моего дома. Моя мама находилась на службе. Она работала счетоводом в Брянском совнархозе. Провожала меня до крыльца моя бабушка. Открыла дверь и сказала: «С богом, внучек, иди в школу».

В то время автомобили в Брянске были большой редкостью. В основном крестьянские телеги. Одна из них стояла у дома. Я спросил крестьянина, нельзя ли с ним подъехать. Он кивнул и сказал: «Садись на заднее бревно». У школы я на ходу соскочил с телеги и пошел к школе. Около школы меня встретила учительница, назвавшая себя Марией Алексеевной Новиковой. Узнав мою фамилию, она спросила: «Уж не твоя ли мама Анна Ивановна Остроумова?» Я утвердительно ответил. «Мы с ней учились в гимназии. Передай ей от меня большой привет». Мария Алексеевна попросила всех собравшихся мальчишек и девчонок построиться по два человека и, следуя впереди, повела всех внутрь школы. Возле класса номер 3 остановилась и сказала: «Вот в этом классе будем учиться четыре года. Начало занятий в девять часов утра. В воскресенье будет день отдыха от учебы».

Я смутно помню эти годы, за исключением отдельных событий, о которых я и расскажу.

1 сентября пополудни я пришел домой и сказал бабушке,

что меня приняли в третий класс. Бабушка взметнула руками и сказала: «Не может быть! Ты еще даже не знаешь все буквы, и сразу в третий класс?» Позже пришла тетя Женя, и бабушка рассказала обо мне. Тетя Женя расхохоталась и сказала, что Котика (так меня звали в семье) определили в первую группу учеников, для занятий которой назначен класс номер 3. Так я вместо третьего класса оказался в числе начинающих изучать русскую грамоту.

Запомнился мне летом 1922 года пожар в доме, в квартире которого мы жили вместе с семьей бабушки и дедушки. Пришел пожарный и сказал, чтобы мы забирали нужные вещи и выходили во двор. Я схватил глиняный горшок с фикусом, который я считал самым ценным в нашем доме. Затем объявили, что до нашей квартиры огонь не дошел. Однако вечером в квартиру пришел человек в очках, на вид очень злой, и объявил, что дом будет ремонтироваться, а всем нужно переехать жить в подвальное помещение.

Мой отец начал искать квартиру для нашей семьи. Скоро он смог снять комнату в доме монахини, который находился вблизи Рождественской церкви, на ее территории.

Монахиня была больным человеком и обрадовалась тому, что теперь она будет жить не одна. Мой отец был в хороших отношениях со священником церкви. Приезжая из поездок за продуктами, он иногда привозил в церковь из деревни фруктовое вино, которое использовалось для причащения исповедовавшихся граждан. Отец по воскресеньям и

в церковные праздники ходил на богослужение и брал меня с собой.

Однажды отец Сергей, так звали священника, повел меня к алтарю, надел на меня стихарь (золотистый халат по моему росту) и сказал: «Будешь мне прислуживать во время молебна». Часто меня сажали в коляску, на сиденье сзади кучера, и я держал иконку перед новобрачными, ехал с ними после бракосочетания.

В доме, где мы жили, царила тишина, так как монахиня сильно болела, за ней ухаживала моя мать. Когда она умерла, то оставила завещание, по которому ее домик в церковной ограде стал принадлежать моим отцу и матери.

Что касается дома бабушки и дедушки Говоровых, то после ремонта он был заселен работниками Брянского городского совета, горкома коммунистической партии. Семье Говоровых предоставили двухкомнатную квартиру на втором этаже, над городской хлебопекарней на Московской улице. Квартира была без санузла (старики ходили в уборную во двор дома).

Запомнился мне день 21 января 1924 года. Я уже учился в четвертом классе. Придя домой, плачущая мать сказала, что умер Ленин. На следующий день нам в школе объявили, что в день похорон всем классом и школой пойдем на стадион, где будет траурный митинг. Все оделись потеплее. Я надел валенки. Мама сделала мне небольшой красный флаг с черной лентой, с которым я и пошел в день похорон вместе с

классом на стадион. Наша колонна прошла мимо трибун, где стояло начальство, после чего пришли к школе. Здесь нам объявили о том, что в память о вожде будет набор в пионерский отряд имени В. И. Ленина, принимаются ученики, достигшие десятилетнего возраста. Мне было девять с половиной лет. Я упросил вожатого пионеротряда, чтобы меня записали. Просьба была удовлетворена, и я стал пионером ленинского призыва.

Через несколько дней нас торжественно приняли в пионерскую организацию. На сцене клуба имени К. Маркса секретарь комсомольской организации принял от нас клятву быть достойными пионерами, после чего каждому повязали на шею пионерские галстуки.

Пионерский отряд состоял из пяти звеньев, а каждое звено из десяти – двенадцати пионеров. Наше звено имело название «Металлист», и нашим шефом был один из цехов завода номер 13. Мы неоднократно бывали на заводе, где нам показывали, как работают слесари и токари. Военным шефом был батальон связи. Мы видели, как учатся и живут красноармейцы. Иногда по воскресеньям они приходили к нам и рассказывали о героях Гражданской войны.

В апреле 1924 года Мария Алексеевна сказала нам, что в мае мы заканчиваем обучение в начальной школе, будет организована выставка работ выпускников. Каждому из нас следует подготовить свою работу для выставки. Я решил нарисовать на большом листе портрет с памятника Петру I. У

меня была его открытка. Я ее поделил на прямоугольники и точно воспроизвел все, что было в прямоугольнике на плотном белом листе, а затем цветными карандашами воспроизвел нарисованное на открытке. Получился большой портрет российского государя в красках. На выставке эта работа получила, как мне сказала учительница, общее одобрение, и я получил премию – набор цветных карандашей.

В последний день учебы Мария Алексеевна, собрав нас в классе, поздравила с успешным окончанием учебы и пожелала нам успешно учиться в пятом классе, где обучать должны были уже несколько учителей по различным предметам.

В конце июня наш пионерский отряд отправился в пионерский лагерь, который располагался у реки Десны вблизи дома отдыха. Лагерь состоял из брезентовых палаток. Каждому из пионеров дали мешки для постели и подушек. На сеновале дома отдыха мы сами набивали сеном свои мешки. В палатках нам дали по простыне, наволочке и одеялу. Каждый сам оправил свою постель на траве в палатке.

Затем дали каждому алюминиевый котелок, кружку и ложку. Завтраки, обеды и ужины варили два красноармейца из брянского подшефного батальона связи, которых прикомандировали в наш лагерь. В лес и на речку мы ходили вместе с пионервожатым, собирали сыроежки и ягоды, которые сдавали на кухню, купались и ловили рыбу, которую также отдавали поварам.

Военными играми руководили красноармейцы. Лагерь

делился на две стороны. Задача каждой стороны – захватить флаг (знамя) противника. Вечерами устраивался костер, вокруг которого пионеры разучивали и пели песни из пионерской жизни.

По приезде домой меня ждали события.

Во-первых, мой старший дядя Сергей Иванович женился на жительнице из города Почеп, Анне Фоковне, которая при первой встрече подарила мне серебряный рубль. Тогда только появилась такая монета, и я впервые стал ее обладателем.

Второе событие касалось меня и моих родителей. Помню, мама собралась в воскресенье в клуб на кинокартину. Рядом с ней сидел незнакомый мне человек, который назвался Иваном Петровичем Воротниковым и просил меня любить и жаловать. Я удивился, почему же вместо папы сидел рядом с мамой незнакомый ранее человек с бритой головой.

Прошло немного времени, и мама сказала мне, что с папой они решили разойтись, и спросила, с кем я хочу жить. Я ответил, что хочу, чтобы все осталось как прежде. Но мама сказала, что она будет жить на квартире того дяди, с которым я познакомился в кино. Я ответил ей, что пойду с ней, но буду делать все, чтобы она и папа были вместе, а я буду жить с ней.

Так я оказался с мамой в чужой для меня квартире. Условием моего переселения было взять с собой нашу козу Катю, которая давала очень вкусное молоко. Хозяином дома был торговец, сдававший квартиры, и для моей Кати он от-

вел маленький сарайчик. Каждую неделю я ходил на рынок и покупал для нее мешок овса.

Наш старый дом отец продал, снял комнатку на берегу Десны, и по воскресеньям я навещал его. Как-то, возвращаясь, я встретил мою бывшую соученицу Таню Поторочину, к которой я был еще во время учебы равнодушен, и часто на уроках мы переглядывались и улыбались друг другу. И на этот раз, когда не было других равнодушных к ней учеников, я осмелел и пригласил ее в кинотеатр, размещавшийся в бывшей церкви на Московской улице. Она согласилась. После кино я проводил ее домой. Оказалось, что она жила на Урицкой улице, а я в Урицком переулке.

Как гром среди ясного неба было объявлено матери, что мы уезжаем жить в Ленинград, куда поехал на новую службу Иван Петрович. Через неделю мама и я собрались в дорогу. Перед отъездом я встретился с Таней. Мы обменялись маленькими открытками, в которых были написаны по одному любовному стихотворению. Так мы расстались и обещали писать письма.

В Ленинграде шли дожди и все казалось чужим. Я зашел в магазин игрушек, что около Пяти углов – так называлось место, где встречались пять улиц. Купил игру «Серсо». В этой игре два противника обмениваются деревянными кольцами с помощью специальных палок. Вот и вся моя детская память о Ленинграде, хмуром го роде.

В августе 1924 года мы уже ехали в Крым, в город Симфе-

рополь, куда на этот раз переехал служить Иван Петрович. В Симферополе мы жили в двухкомнатной квартире дома местного жителя – армянина. Он, его жена и их дочь. А она такого же возраста, что и я, очень мне понравилась. Девочка сразу повела меня в ее сад и показывала мне различные деревья, которых в Брянске не было. Это грецкий орех, кизил, бананы, апельсины и абрикосы. На кистях висели гроздья черного и белого винограда. Дом и сад были ограждены высокими каменными стенами. Постучали в калитку, и раздался звонок. Аня открыла дверь, вошел мальчик с черными волосами. Недружелюбно посмотрел на меня. У меня были светлые волосы. С улыбкой подошел к Ане. Я понял, что это ее мальчик.

Меня определили в пятый класс школы, в которой обязательным было изучение татарского языка. Ведь Крым был татарской республикой и во главе ее, как мне сказали, было татарское правительство.

В классе учились девочки и мальчики различных национальностей: татары, русские, украинцы, армяне, греки, евреи и другие. Занятия нашего пятого класса шли во вторую смену, поэтому с утра до полудня я был свободен. Иван Петрович работал в каком-то правительственном учреждении, а мама счетоводом на консервной фабрике у реки Салгир. Мне поручалось утром на трамвае ездить на рынок и покупать продукты.

Однажды со мной произошел неприятный случай. Я хо-

тел купить небольшой арбуз. Продавец – татарин, как и все продавцы. Продал мне арбуз, сделал вырезку. Я увидел бледно-розовый цвет его содержимого, сказал, что арбуз плохой. Недолго думая татарин разбил на моей голове арбуз и сказал: «Вот тебе арбуз бесплатно». Я взял часть упавшего арбуза и запустил его в голову продавца, а сам что было сил удрал. Он не смог меня догнать, а мне удалось быстро вскочить на подножку трамвая. С тех пор я покупал только маленькие дыни.

В Симферополе была детская библиотека. Я записался, и оказалось, что в ней много книг Чехова и Оливера Кервуда. Последний много писал о сложной жизни на Аляске и мужестве ее жителей, многие из которых были русскими, оставшимися там после того, как Аляска была собственностью России.

Для того чтобы перейти в шестой класс, надо было обязательно иметь удовлетворительную оценку по татарскому языку. В противном случае оставляли на второй год. Уже в преклонном возрасте я хорошо помнил татарские слова: «бир ики», «дорт», «беш», «алты секос», «менын», «сенын», «онын» и другие.

Осенью 1926 года в Крыму произошло землетрясение. В комнатах сами собой открывались двери, в шкафах стучала и падала посуда. Все выскочили в сад и, забрав подушки и одеяла, ночевали прямо на траве. В небе появилась комета, и все предвещали конец света. Потом все успокоилось. В классе я стал присматриваться к девочке Ане Гольдберг. Напи-

сал записку, в которой предлагал вместе ходить домой после уроков. Она меня плохо поняла и написала в записке: «Я не девушка, а ты еще не кавалер». После такого ответа я не стал смотреть в ее сторону. Так закончилось второе в моей жизни увлечение. От первого также не осталось ни следа. Я не писал Тане, она ответила тем же.

Ранней осенью 1925 года я начал учиться в шестом классе русско-татарской школы.

Отношения Ивана Петровича с матерью не складывались. В конце дня, возвращаясь из школы, я его иногда видел с другой женщиной. Я не считал его своим вторым отцом. Однажды вечером за ужином стали пить чай и я позволил себе первым взять понравившееся мне пирожное. Иван Петрович схватил мою руку с пирожным и размазал его на моем лице. Я заплакал и вышел из-за стола, а затем, когда он вышел в сад курить, я сказал плачущей матери о том, что я уеду в Брянск к бабушке и дедушке.

На следующий день, зная, где мать хранила получку, взял деньги на дорогу, написал записку, что уехал в Брянск, собрал тетрадки шестого класса, оделся потеплее и отправился на железнодорожную станцию. Я знал ранее, что поезд на Москву уходит утром. Взял билет до Орла. Как только подали поезд, я сел в свой вагон, место было боковое. Когда поезд остановился на станции Мелитополь, я увидел, что продают арбузы за 10 копеек. Я купил самый большой из них, как подарок моим родным в Брянске. Поезд пришел в Орел,

когда еще было темно, я чуть не проспал. Хорошо, меня разбудили соседи, сказав: «Мальчик, станция твоей пересадки на Брянск». Еще днем я сказал им, куда и почему еду. Не успел я выйти из вагона, как поезд тронулся на Москву.

Купив билет, я сидел на перроне на скамейке вместе с арбузом. В шесть часов утра поезд тронулся в путь. В Брянске я рассчитывал на пригородный поезд-«кукушку». Однако мои расчеты не оправдались, так как на перроне меня уже встречал дядя Коля. Вечером они получили срочную телеграмму с извещением о том, что Котик сбежал из дома и не пошел в школу, а отправился, видимо, на вокзал. Накануне вечером он заявил, как писала мама, что уедет в Брянск.

В Брянске на Московской улице меня радостно встречали дедушка и бабушка, а также мои тети Катя, Женя, Леля, дяди Николай и Иван. Дядя Николай рассказал, как он меня искал на станции, так как не знал номера вагона. По моей просьбе мне определили место для сна на русской печи. Она была большой, в ней бабушка готовила обед для всей семьи. Утром и вечером пили чай из большого медного самовара и доедали, что оставалось от обеда.

Утром следующего дня я пошел в школу, где ранее учился вместе с тетей Женей, которая еще училась в девятом выпускном классе. Директор школы Хрущев, выслушав меня, определил в тот же класс, в котором я учился в 1924 году, но сказал, чтобы моя мать прислала документы о том, что я был в шестом классе школы в Симферополе. Директор пошел со

мной в класс, где в это время шел урок русского языка. Его вела учительница Вера Алексеевна Чикина. Весь класс загудел, увидев меня. «Кот опять вернулся к нам!» – выкрикивали мои друзья Вовка Голованов, Володя Крайзах и другие.

По всем предметам, кроме математики и французского языка, я быстро вошел в строй, но через месяц учитель Стефан Иванович Волчек написал записку дедушке о том, что я сильно отстаю по математике. За меня взялась тетя Женя, ежедневно готовившая со мной задания на дом. То же было с французским, который я ранее не учил, занимаясь татарским. К концу года я справился с отставанием и за первое полугодие получил удовлетворительные отметки.

Зимой 1926 года умер от разрыва сердца прямо на работе, на почте, дедушка Иван Иванович Говоров. Я узнал об этом, придя из школы. Все это было так неожиданно, и впервые я ощутил всю горечь утраты человека, которого так крепко любил. Вспомнилось, как однажды я был на рынке и увидел в лавке продававшиеся коньки-снегурочки. Стоили они баснословные по тем временам деньги – 4 рубля. Я пришел на работу к деду и рассказал об увиденном. В перерыве на работе он пошел со мной в лавку и купил мне коньки. Я знал о том, что для дедушки это было трудно сделать, учитывая, что он получал зарплату всего 30 рублей в месяц и ежедневно давал бабушке на продукты рубль. На эти деньги и на те, что давали немного бабушке ее сыновья, которые тоже работали, бабушка кормила всю семью.

На похороны приехала моя мама да так и осталась в Брянске, пойдя на работу в бухгалтерию швейной фабрики. Я был рад, что она рассталась с ненавистным для меня Иваном Петровичем.

Таню Поторочину я видел в классе каждый день, но мы уже не обменивались взглядами, как в прежнее время на уроках. Я заметил, что она из школы уходила с мальчиком из старшего класса. Это тем более укрепило мое равнодушие к ней. Она отвечала тем же.

Учеба в шестом и седьмом классах проходила буднично. В обыденной жизни не было каких то запоминающихся событий, если не считать некоторых. Я увлекся фотографией. Из фанеры соорудил два ящика, выдвигающиеся один во второй, купил в аптеке за 70 копеек линзу и сделал матовое стеклышко, как экран. Получился фотоаппарат, с помощью которого я снимал всех своих родственников и друзей. Дядя Ваня соорудил мне из фанеры в прихожей небольшую кабину со столиком и провел электричество. В магазине купил коробку фотопластинок размером 6 на 9, фотобумагу, проявители и закрепители. Все это я финансировал за счет работы в летние каникулы в геодезическом отряде в окрестностях Брянска. Зарплата была 2 рубля в день. Таскал металлическую ленту, стойку для теодолита, а иногда поручали и теодолит. До сегодняшнего дня сохранились некоторые фотографии.

Увлечение фотографией кончилось тем, что я по оконча-

нии седьмого класса подал заявление в Ленинградский фотокинотехникум. Был зачислен кандидатом и, с благословения матери поехал в конце лета 1927 года в Ленинград. Был принят, но не на фото-, а киноотделение. К сожалению, техникум не мог предоставить общежитие, а снимать квартиру мама не имела возможности, и я, возвратившись домой, пошел учиться в восьмой класс — опять к своим друзьям.

Наш класс объявили со строительным уклоном. Помимо общих дисциплин преподаватели из строительного техникума вели с нами занятия по курсу первого семестра этого техникума. В мастерских этого учебного заведения два раза в неделю во второй половине дня мы работали в мастерских, изучая строительное дело.

В 1929 году по рекомендации пионерской организации, где я был председателем совета пионерского отряда, я был принят в комсомол.

Осенью того же года по заданию комсомола я был направлен в Хотынецкий район Орловской области в деревню Булатово Льговского сельсовета для ликвидации неграмотности на селе. Три месяца я был, как меня называли, учителем. Получал жалованье 27 рублей. 15 рублей я отдавал за постой в одной крестьянской семье. Это была плата и за питание.

В одно из воскресений мне поручили побывать на утренней службе в льговской церкви. Ожидалось, что после церковной службы приезжий священник будет выступать с проповедью о недопустимости верующих вступать в колхоз.

Проповеди так и не состоялось, и обо мне пошел слух, что наш учитель – верующий и ходит в церковь, что прибавило моему авторитету среди моих «учеников»-крестьян, и особенно женщин Булатова.

Для обучения крестьян не хватало школьных тетрадок, карандашей, букварей. Председатель Льговского сельсовета договорился с отделом образования в Хотынце (40 километров от Булатова) о выделении нам требуемого. За время жизни в деревне я научился верхом на лошади ездить в Льгов. Хозяин дома, где я жил, разрешал использовать зимой свою лошадь. Я вызвался на поездку за тетрадями и остальным. Со мной вызвался ехать такой же учитель, как я, Артем Денисов, в прошлом из крестьян. При возвращении домой в темноте нас застиг снежный буран. Артем мне сказал: «Брось поводья, лошадь сама найдет дорогу домой». Так оно и случилось.

После возвращения из деревни на оставшиеся деньги мы приоделись. Я успешно занимался, наверстывая знания, что позволило мне, закончив обучение в школе, быть принятым без экзаменов на второй семестр первого курса Брянского строительного техникума.

В декабре 1932 года я закончил шестой семестр курса гражданского строительства. Защитил подготовленную дипломную работу – проект здания лесотехнического института для Брянска и был удостоен звания техника-строителя.

Учился в вечернее время, поэтому и приобрел практиче-

ский опыт на стройках гражданских и других зданий. После окончания техникума по приглашению моих дяди Вани и тети Жени поехал на неделю в Москву. Здесь они учились соответственно в техникумах связи и землеустройства.

Думая о продолжении учебы по своей профессии, заинтересовался архитектурным институтом, но, узнав, что на вступительном экзамене по рисованию потребуется рисовать портрет с голой натурщицы, я понял, что это не для меня. Я владел графикой изображения зданий. Возвратившись из Москвы, поступил на работу по строительству военных зданий в Брянской области в селе Ржаница.

В августе 1933 года сдал вступительные экзамены в Московский горный институт на шахтостроительное отделение. После месяца учебы мне объявили, что в связи с невозможностью предоставить общежитие в Москве я направляюсь в Томский горный институт. Я отказался, попросил справку о сдаче приемных экзаменов и нашел химико-технологический, в котором на инженерно-экономическом факультете был набор.

Я был принят, получил место в общежитии и стипендию. Также продолжал думать об обучении в строительном институте. Осенью я узнал о приеме на вечернее отделение инженерно-строительного института. Имея вторые экземпляры документов, подал заявление о приеме. Выдержал вступительные экзамены и был принят на вечерний факультет гражданского строительства. Здесь занятия проходили два

дня в неделю по вторникам и пятницам с 18 до 22 часов. От Серпуховской улицы до Козловского переулка ездил на трамвае «Букашке» (маршрут «Б»).

Первый семестр в обоих институтах закончил довольно успешно, при этом по высшей математике в инженерно-строительном институте получил отметку «хорошо», а в другом институте «удовлетворительно».

В конце апреля 1934 года всех молодых коммунистов и комсомольцев направили на медицинскую комиссию, располагавшуюся в клубе строителей в районе Басманной улицы. Никто не знал, какова цель этого обследования. Но благодаря особенностям медицинского осмотра (крутили на вращающемся стуле и требовали с закрытыми глазами сделать несколько шагов) прошел слух, что отбирают молодых здоровых парней в авиацию. После обследований потребовали написать подробную автобиографию. Я этим слухам не верил, так как, еще когда учился в Брянске, в 1932 году на медицинском обследовании меня уже признали не соответствующим требованиям службы на флоте (был отбор в военно-морское училище имени Ф. Дзержинского).

В Брянске в те времена на аэродроме базировалась авиабригада. Мы часто видели в небе воздушные бои истребителей. За девушкой моего друга Вовки Голованова Марией Коржуховой ухаживал летчик, которого звали Лешка Благовещенский. Я внимательно рассматривал его летную форму с птицей на рукаве. Мечта об авиации так и оставалась меч-

той. Еще более эта мечта стала навязчивой, когда в доме врача Булгакова и его дочери Зои, которая была моей сокурсницей, я увидел в морской форме с летным знаком на левом рукаве синего кителя, с двумя орденами Красного Знамени морского летчика из Ленинграда.

Учась в институте, ранее я сдал зачеты на значок ГТО («Готов к труду и обороне»), был ворошиловским стрелком, а на студенческих спортивных соревнованиях получил серебряный значок за первенство в беге на 100 метров. Я был признан годным для службы в авиации. На мандатной комиссии, на которой присутствовали большие командиры, мне задали вопрос: «А не было ли у вас родственников врачей?» Я ответил, что не знаю таких, что у меня были родственники больше по почтовой линии». После комиссии в коридоре мне дали талон, на котором была написана буква «П», и сказали: «Можно быть свободным, а результат узнаете позже».

В июне я стал студентом второго курса химико-технологического института, и вдруг меня вызвали в канцелярию института и сказали, что меня направляют в военный лагерь в районе Покровское-Стрешнево. «Но вы остаетесь студентом и готовитесь ко второму курсу». Инженерно-строительный институт я уже перестал посещать, так как уже знал, что буду направлен на военную службу.

Лагерь располагался в лесу с прилегающим полем. Распорядок был военный, по расписанию трехразовое питание, днем – обучение полетам на планерах. 18 августа 1934 года

был второй после первого в 1933 году праздник День воздушного флота. Днем мы видели, как с Тушинского аэродрома взлетали группы самолетов различного типа. После воздушного парада в Тушине мы показывали полеты на планерах. В основном это были подлеты без разворота, взлет, полет и посадка. Вечером разрешили увольнение в город. Я посетил жившего на окраине Москвы дядю Николая и оставил ему на хранение свои гражданские пожитки. Сказав, что скоро нас отправят, но куда – пока не знаем. 30 августа я был отпущен из лагеря с указанием пока учиться в институте и ждать вызова.

2 сентября в канцелярию института пришла бумага, согласно которой я должен был 3 сентября в 10 часов утра явиться готовым к отъезду на Павелецкий вокзал в комнату военного коменданта. В Харькове и Ростове в буфете мы получали питание. После пересадки на другой поезд нам сказали, что едем в город Ейск. По прибытии в этот город нас сразу же отвели в баню и объявили, что мы теперь курсанты Военной школы морских летчиков.

Военная школа морских летчиков

В бане нам выдали военное обмундирование. После стрижки под ноль помылись и строем пошли в столовую. В столовой нам дважды наливали флотский борщ, затем макароны по-флотски и, конечно, компот из свежих фруктов. После этого каждому выдали по два значка-крылышка, которые мы прикрепили на воротники и стали похожими на курсантов авиационной школы. Обмундирование было не морское, а авиационное. Каждый получил койку в казарме 2-й авиаэскадрильи.

На следующий день в шесть часов утра по сигналу дежурного мы были подняты с кроватей. Приказано было надеть сапоги и брюки, снять нижние рубашки и строем отправиться на плац для утренней зарядки. Так потом было каждый день. Отбой – в назначенное время по команде дежурного по казарме.

Эскадрилья состояла из двух отрядов, каждый из пяти звеньев. Звено состояло из шести курсантов.

В течение первого полугодия шел курс молодого красноармейца. Старшина звена занимался строевой подготовкой каждого курсанта. Это был хорошо обученный в строевом отношении старослужащий. Потом отрабатывались строи отделения, взвода, наконец, строевой роты. Проходила огневая подготовка в тире и в поле. Одновременно проходили

занятия по изучению устройства самолета У-2 и его мотора М-11, их эксплуатации и технического ухода. После первого полугодия строевые занятия закончились. Началось изучение летных дисциплин: аэродинамики, штурманского дела, эксплуатации авиатехники. На самолете У-2 после сдачи экзамена по его эксплуатации и управлению на аэродроме начались пробежки. Курсант должен был научиться запуску мотора, сигнализации об уборке колодок из-под колес, научиться проверять, нет ли на крыльях и под колесами колодок, просить у стартера разрешения на рулежку. Получив его, плавно работая ручкой газа, запустить мотор, после чего начать руление и, увеличивая газ, ускорять движение.

В последующих рулежках разрешалось увеличить скорость пробега и подъем заднего оперения самолета, не отрываясь передними колесами от земли. Мы познакомились со своими начальниками, прежде всего с инструктором, который провел весь курс обучения от первого до последнего полета. Это был летчик Шевченко, он носил на петлицах два кубика (тогда еще не были введены командные звания). Командиром летного звена был Бурдин, он носил три кубика. Командиром отряда был Рассудков, он носил шпалу на гимнастике. Командир 2-й эскадрильи был Тужилкин. У него на петлицах был ромб.

В марте 1935 года было уже тепло, и мы готовились к перебазировке на полевой аэродром около села Александровка. Командир отряда приказал всем подготовить скатки

из шинелей в виде эллипса со связанными концами, чтобы можно было надеть их через плечо, а также протереть насухо свои винтовки. Они обычно стояли в казарме в стойках у каждого отряда, а в эскадрилье их было две.

Наутро 2-я эскадрилья была поднята по тревоге в шесть часов утра. После построения и проверки явки строем направились в столовую. После завтрака было построение с шинелями через плечо, винтовками и противогазами. Было объявлено, что эскадрилья совершит 28-километровый марш к месту нового базирования. Переход был совершен без происшествий.

На следующий день после занятий в классах отправились на аэродром, где по летным группам инструкторы провели предварительную подготовку к учебным полетам. Летные группы ознакомились со своими учебными самолетами, а техник самолета определил каждому курсанту агрегат самолета, который он должен осмотреть перед полетом и проводить осмотр и очистку от пыли и грязи после полетов. Вместе с техником самолета проверяли его готовность, заправку бензином и маслом, проверялась работа рулей управления. Затем инструктор проверял знание кроков (визуально видимых объектов вокруг аэродрома, ориентировочно района первого, второго, третьего и четвертого разворотов при полете по коробочке над аэродромом). В тот же день каждому курсанту старшина подобрал по росту синий комбинезон, кожаный шлем и летные очки.

Полеты начались на следующий день в семь часов утра. Перед полетом была предполетная подготовка. Определена по плановой таблице полетов очередность каждого курсанта. Метеоролог сообщил о погодных условиях.

Первый полет был ознакомительный. От начала до конца управлял машиной инструктор. День был солнечный, и каждый из нас ощутил всю прелесть воздушного океана. На земле виднелись маленькие дома, речка казалась ручейком. Инструктор периодически по переговорному аппарату говорил, где мы находимся, каждый из нас стремился определить, где какой населенный пункт. Перед поворотом инструктор предупреждал об этом, вводя самолет в разворот. Перед четвертым разворотом сказал: «Делаем расчет на посадку», снизил обороты мотора. Самолет начал плавно снижаться. За сотню метров до посадочного знака «Т» началось плавное снижение к земле, последовал переход самолета в трехточечное положение. Точно у «Т» самолет приземлился на три точки – колеса и костыль, что на хвосте самолета. Это была отличная посадка.

Зарулив на стоянку самолетов, инструктор сказал: «Вот так и вы должны научиться владеть самолетом в полете». В следующий летный день мы уже под непрерывным руководством инструктора производили взлет, полет по коробочке, а расчет на посадку и самопосадку выполнял инструктор.

Примерно на пятнадцатом – двадцатом полете инструктор начал требовать самим под его бдительным наблюдени-

ем производить расчет, заходя на посадку, и непосредственно посадку. У большинства это происходило нормально. Но у одного курсанта – Николаева – не получалось с посадкой. То рано начинал спуск, то запаздывал, и инструктору приходилось в каждом случае вмешиваться. Полет с Николаевым совершил командир отряда. Вывод был один: летчиком быть он не сможет, и курсанта передали в другую эскадрилью школы, в которой обучали на должность летнаба (летчика-наблюдателя), по летной терминологии – штурмана.

С освоением посадки пошли полеты в зону и обучение исполнению виражей, боевых разворотов и других элементов пилотажа. Особенно требовалось точно по высоте выполнять вираж, при точном соблюдении высоты полета. Самолет в конце виража должен был, попав в свою струю, встряхнуть. Это означало, что вираж выполнен точно по высоте. Потом пошли полеты на выполнение бочки (вращения вокруг оси самолета). В конце освоения полетов на высший пилотаж было исполнение мертвой петли, полупетли и, наконец, витка штопора.

После нескольких зачетных полетов в зону с инструктором для проверки освоения новых элементов пилотажа (виражи, боевые развороты, бочка и другие). В один из дней утром инструктор сказал: «Сделайте все сами, я вмешиваться не буду». После посадки приказал: «А теперь выполняйте свой первый самостоятельный полет».

В полете я выполнил все, как учил инструктор, но при вы-

равнивании для посадки допустил перевод самолета в трехточечное положение, не доходя до «Т». Заметив свою ошибку, я отдал ручку вперед, в результате посадка была плюхом на три точки у «Т». Инструктор после посадки поздравил с первым самостоятельным взлетом, но тут же несколько поругал за неточную посадку. На следующий летный день инструктор сделал со мной два полета и убедился, что я смотрел в первом полете не на землю перед нижним крылом, а несколько выше. После его замечания и следующего полета инструктор сказал: «Вот так и производите посадку» – и выпустил меня во второй самостоятельный полет. В последующем я всегда сажал самолет на три точки у «Т», смотря на землю у нижнего крыла самолета, и тем определял точно его расстояние до земли.

Последовали самостоятельные полеты по маршруту на территории Кубани. В одном из них, пролетая над железной дорогой в районе станции Сосыка Ейская, я не определил с воздуха ее название и решил нарушить заданную высоту полета. Снизился и прочитал название станции, при этом нарушил заданную высоту полета. Доложил инструктору, за что получил сниженную оценку маршрутного полета.

Приближалась осень, и наступило время инспекторских проверок и экзаменов за первый год обучения. Для нашей летной группы они прошли успешно. При полете с инспектором я выполнил на «отлично» все задания, в том числе и самые сложные элементы полета.

За успешные полеты и теоретические экзамены я был переведен на второй курс обучения и удостоен права на рукав шинели и гимнастерки нашить знак летчика (крылья с двумя кинжалами).

Если на первом году обучения девушки не обращали на нас внимания и называли «салагами» (мелкая рыбешка), то теперь стремились познакомиться. Только некоторые курсанты заводили знакомства с местными девушками. Многие переписывались с оставленными на родине или в Москве.

До отпуска занимались по теоретической программе, и в последние дни ноября нам был разрешен месячный отпуск. Выписаны проездные документы до избранного места и для возвращения в Ейск. В швальне (мастерской) каждый курсант подогнал по фигуре шинели, зимние гимнастерки и брюки, многие купили хромовые сапоги. Каждый из нас получал в месяц 120 рублей, а родные, как, например, моя мать, получала ежемесячно те же 120 рублей, как одинокая, и на ее иждивении были бабушка и сестра-инвалид.

Знак летчика пришили на шинели и гимнастерке еще в швальне. Некоторые из тех, кто не имел на это права, пришили их в поезде. Мы смеялись, когда при пересадке в Ростове увидели одного нашего курсанта, который подвыпил и, будучи навеселе, забыл, что уже один раз пришил знаки, и пришил их дважды – как на левый, так и на правый рукав шинели.

В поезде на Москву один полковник-артиллерист спро-

сил меня: «Я вижу, что вы – курсанты и следуете из Ейска. Разве там есть летная школа сухопутной авиации? Я всегда знал, что там школа морской авиации, а вы одеты в армейскую авиационную форму». Я ответил, что мы действительно учимся в школе морских летчиков, но в морской авиации есть и части сухопутной авиации, например истребительные и бомбардировочные. Вот почему в этой школе часть подразделений учится на морских самолетах, их курсанты одеты в морскую форму, а подразделения курсантов, которые учатся на сухопутных самолетах, одеты в авиационную форму курсантов ВВС КА. Но по окончании и эти курсанты наденут морскую авиационную форму и будут направлены в части сухопутных ВВС флота.

Из Москвы я последовал в Колтуши, что во Всеволожском районе Ленинграда, куда мать пригласили на работу бухгалтером в Институт академика Павлова и предоставили комнату с верандой. Во время отпуска я мог ознакомиться с достопримечательностями города. Был в Зимнем дворце, Эрмитаже, Русском музее, Петропавловской крепости и, конечно, в загородных императорских дворцах. Встретился с товарищем из Брянска Володей Смирновым, который после окончания танковой школы служил под Ленинградом.

Говорил с мамой о И. П. Воротникове, который в это время переехал в Брянск. Но мама наотрез отказалась быть с ним. Это была одной из причин уехать из Брянска в Ленинград.

В Брянск я приехал на пару дней повидаться с бабушкой и ее дочерью Лелей. Последнюю в детстве затащило в топку домашней печи. Она обгорела и потеряла дар речи. В Брянске встретил сокурсницу по техникуму Людмилу Макееву. Она мне нравилась и прежде, но была какая-то гордая, и дружбы тогда не получилось. На этот раз она даже пошла со мной в Брянский драматический театр. Я проводил ее домой, она дала свой адрес, но в дом не пригласила, так как уже было поздно. На следующее утро я уехал в Москву. Здесь я долго не задержался, взял железнодорожный билет по воинскому требованию и отправился в свой Ейск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.